

УДК 82-311.4

ББК 83.3(2 Рос 37)

Н 16

Нагапетова Анжела Герасимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии Армавирской государственной педагогической академии;

Коблева Зурет Асланчериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры сервиса, туризма и связей с общественностью факультета новых социальных технологий Майкопского государственного технологического университета, e-mail: zurett@list.ru

ЗНАЧЕНИЕ РОМАНА М. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ «ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ» ПРОБЛЕМАТИКИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПРОЗЕ 20-50-х ГГ. XX ВЕКА
(рецензирована)

Статья посвящена выявлению влияния отечественной литературы на младописьменные на основе обобщенного анализа произведений периода 20-50-х годов прошлого века с позиций другого – нового эстетического и духовного времени. Рассмотрены особенности русской и северокавказской литератур указанного периода в освоении «колхозно-производственной» проблематики.

Ключевые слова: младописьменные литературы, художественный конфликт, «колхозно-производственная» проблематика, северокавказская проза, персонаж, сюжет, композиция.

Nagapetova Angela Gerasimovna, Candidate of Philology, assistant professor of the Department of Philosophy and Culture of Armavir State Pedagogical Academy;

Kobleva Zuret Aslancherievna, Candidate of Philology, associate professor of the Department of Service, Tourism and Public Relations of the Faculty of New Social Technologies, Maikop State Technological University, e-mail: zurett@list.ru

THE IMPORTANCE OF M. SHOLOKHOV'S NOVEL "OPENED UP VIRGIN LANDS" FOR THE ARTISTIC INTERPRETATION OF "PRODUCTION" PROBLEM IN THE NORTH CAUCASUS PROSE OF 1920-1950-s

(Reviewed)

The article is devoted to the identifying the influence of the national literature on the newly created written based on pooled analysis of works of the period 20-50s of the last century in terms of another - a new aesthetic and spiritual time. The peculiarities of the Russian and North Caucasian literatures of that period in the development of "collective-production" perspective have been considered.

Keywords: newly created written literature, art conflict, "collective-production" perspective, the North Caucasian prose, character, plot, composition.

В конце 30-х годов в Кабарде, Черкесии, Адыгее национальные отделения Союза писателей активно участвовали в создании новой литературы прежде всего на «колхозно-производственную» и революционную тему. Каждая национальная литература с разной степенью успеха постигала художественный опыт русской литературы и выработанный веками в других литературах арсенал писательского опыта, который довольно органично вписывался в рисунок национального художественного творчества. Правда, большинство северокавказских авторов, часто в рамках господствовавшей во всех литературах страны «теории бесконфликтности», пытались образовать некую органическую связь между формированием нового советского характера и самим процессом социалистического труда, раскрыть общественно-исторические закономерности, послужившие стимулом «массового духовного обновления». Произведения 30-х годов, как правило, были насыщены высоким разоблачительным пафосом, посредством которого усиленно отвергалось прежнее общественное устройство. И одновременно осмысливались социально-политические изменения в судьбах горских народов, чье энергичное участие в строительстве новой жизни преподносило писателям обильный жизненный материал, который они считали себя обязанными художественно осваивать.

Однако ведущая для советской литературы 20-30-х гг. «производственно-промышленная» тема в ее наиболее типичных модификациях не могла быть популярна для национальной прозы – завод, фабрика, шахта, рабочая среда, повседневная жизнь рабочего коллектива со всеми сложностями и проблемами редко отображаются в книгах северокавказских писателей, поскольку рабочего класса как такового в национальных республиках еще не было¹. Острый поворот в истории определил новую тему прозы и новый характер очерчиваемого конфликта. Единственный мотив, к которому чаще обращается северокавказский автор, – послереволюционная деревенская действительность и последовавшие позже годы коллективизации, т.е. сугубо сельская тематика.

Отсутствие конкретных работ по «деревенской» и «производственной» северокавказской прозе делают особо актуальными научно-теоретические основы данной работы, целью которой является новое освещение проблемы становления северокавказской «производственной» прозы и выявление влияния отечественной литературы на младописьменные.

Так называемая тема «социалистического переустройства деревни», «рождения новых, социалистических взаимоотношений» заняла существенное место в литературах народов СССР. Драматизм процесса, обличение классового врага служили конфликтообразующими элементами в трилогии В. Ставского, книгах «Бруски» Ф. Панферова, «Ненависть» И. Шухова, «Ледоход» К. Горбунова, в

¹ Однако была попытка развить новую тему в романе Т. Керашева «Дорога к счастью» (I вариант).

«Поднятой целине» М. Шолохова и во многих произведениях национальных литератур, появившихся во второй половине 30-х гг. не без прямого или косвенного влияния шолоховского романа. Тем не менее, несмотря на некую общность сюжетов, проблем, каждое из тематически близких роману М. Шолохова текстов выделяется этнической самобытностью и определенностью. При явной хрестоматизации «Поднятой целины» как основного произведения социалистического реализма о деревне роман М. Шолохова существенно отличался от других российских произведений глубиной и напряженностью социальных и психологических столкновений. Его пример для национальных литератур заключал в себе большие идейно-тематические возможности. Это подтверждается и нашим анализом художественного отражения «новых» коллизий в деревне, переживавшей радикально-трагический поворот к неведомому.

В северокавказской прозе рассматриваемого периода на «деревенскую» тему написаны рассказ «Арк» и роман «Дорога к счастью» Т. Керашева, новеллы «На заре» и «Туман» И. Цея, «Аминэт» Ю. Тлюстена, «Бекир» Б. Гуртуева, «Тяжелая операция» Д. Мамсурова и др. Очевидно влияние «Поднятой целины» на роман абазинского прозаика Х. Жирова «Пробуждение гор», ногайского писателя Х. Абдулжалилова «Бурный поток». Общепринятой методологической установкой для всех национальных литератур была ориентация на экономические и культурные перемены как убедительный материал для создания писателями произведений социалистического реализма, для оптимистической художественной трактовки образа народа, строящего коммунизм. Отсюда общая черта большинства книг 30-х годов – интенсивная направленность на принятие идеологических догм, склонность к изображению «старого и нового» мира, обнаружению его конфликтов, условий, в которых вызревало социальное самосознание каждого члена общества.

Коллективизация индивидуальных крестьянских владений была гигантским, невиданным в предыдущей истории процессом, который представлялся как народное движение, как глобальное обновление бытия и сознания. Погружение в многогранный мир русского крестьянина, в некоторой степени объективное воссоздание противоречий и тягот, испытываемых деревней, склонность к обобщениям – именно эта особенность характерна для крупнейшего отечественного произведения 30-х годов о коллективизации – романа М. Шолохова «Поднятая целина» (1932). Значимость его в том, что писатель обрисовал не единичные, хотя и чрезвычайно важные, аспекты периода объединения хозяйств, а непосредственно всю эпоху с запутанными и разноречивыми коллизиями, затрагивающими и зачастую глобальным образом меняющими людские судьбы и нравы. Патетика его текста состоит в воссоздании того, как рядовые труженики осмысливают происходящее, преображаются вследствие сложного и болезненного духовного созревания.

Шолохов, внешне, стоит на позиции «невмешательства», предпочитая изложение фактов, а не комментариев. Некое представление об авторской оценке изредка возникает из сложного переплетения образов, поступков персонажей, их нравственных

позиций. Благодаря художественной проницательности М. Шолохова оказывается очевидным, что крестьянство – не некая однотипная масса, а живые люди с весьма многообразными индивидуальными чертами. Шолохов мастерски продолжил то, что начали И. Шухов, Ф. Панферов, но – на новой художественной высоте. В «Поднятой целине» можно почерпнуть правду о коллективизации, о трагедии донского крестьянства, о «великом переломе» в бытии и психологии человека. Роман помогает постичь позицию М. Шолохова в рассматриваемом аспекте.

Данные особенности структуры повествования, по сути, являются признаками хроники. Подобная манера изложения, способствующая живописанию процесса «социалистического строительства», используется и северокавказскими авторами 30-х гг. Так, признаки репортажности заметны в первом варианте романа Т. Керашева «Дорога к счастью» и в рассказе Х. Гашокова «Трактор и люди» (1934).

В первой книге романа М. Шолохова присутствуют многие формальные признаки хроникального жанра: чередование массовых эпизодов и видов природы, экстенсивный сюжет, отправная точка которого находится не в личной жизни персонажей, а в общественно-политической обстановке. В сценах наиболее выразительно воспроизводятся изменения, которые наступили в хуторе. Однако разнообразные зарисовки, составляющие процесс «поднятия целины», объединены одним социальным конфликтом и внутренней художественной логикой: они в некоторой степени обнаруживают внутренний мир рядовых крестьян в поворотные моменты. Драматический накал «сражений» на Дону в период коллективизации у М. Шолохова изображен особенно тщательно и колоритно, выявляя психологические характеристики личности, побудительные мотивы наступления и сопротивления в развернувшейся борьбе за колхозы.

Такова история Давыдова, отражающая накаляющуюся борьбу на хуторе, проявляющуюся в самочувствии хуторян. Данный мотив характерен и для национальной прозы 30-х гг. К примеру, в повести адыгейского писателя рассматриваемого периода Ю. Тлюстена «Путь открыт» (1938) русский рабочий-жестяник Антон, революционер, занимается просвещением таких, как крестьянин Аслан, указывая на возмутительную общественную несправедливость, которую порождают находящиеся у власти богатеи. М. Шолохов тоже не отодвигает на задний план острые проблемы, сопровождающие коллективизацию. Вместе с героями – «потрясающе разными» – писатель пытается найти созидательные начала, которые, вопреки всему, живут в казачестве, в народе, насильно отдаляемом от земли.

Как и в «Поднятой целине», центральный художественный конфликт северокавказских романов об объединении крестьянских хозяйств тоже формируется в процессе ожесточенной борьбы за и против организации колхозов. К примеру, первая балкарская повесть на тему коллективизации – «Бекир» Б. Гуртуева – также появилась в середине 1930-х гг. В ее основе лежит социально-психологическое противостояние колхозников бывшим хозяевам земли – кулакам. Композиция повести обусловлена реализацией данного художественного конфликта.

Столкновение противоположных социально-политических сил в другой северокавказской «деревенской» повести – Х. Теунова «Аслан» (1941) – предопределено традицией и соответствует всем пристрастным требованиям советской литературы довоенного периода. Тем не менее необходимо отметить, что главный узел претупает установленный традицией сценарий типичного для такого периода жизни литературы «бесконфликтного» развития. Острый конфликт, отвечая потребности в жизненной правде, в повести Х. Теунова является более реалистичным, жизненно убедительным для своего времени именно в его исходе.

Таким образом, авторская художественная логика как у Шолохова, так и у национальных авторов, тяготеет к постепенному разрешению конфликта, к естественному вхождению в развивающееся действие новых персонажей, следующих, как правило, за двумя центральными: либо за отрицательным, либо за положительным. Сделав «двадцатипятипятитысячника» Давыдова главным героем, с которым связана основная сюжетная линия, посланцем партии, воспринимавшим колхоз как кратчайший путь к счастью трудового народа, М. Шолохов виртуозно объединил «производственную» тему с «деревенской». Слесарь С. Давыдов выступил в роли организатора крестьянского хозяйства, что напрямую соответствовало идеологическим тенденциям того времени. Однако, вопреки «установкам», в драматической борьбе за колхозы проявились качества Давыдова именно как человека, как личности – глубокой, страстно преданной идеалам гуманизма.

В сценах раскулачивания обнаружилось духовное богатство и другого шолоховского персонажа – Андрея Разметнова. В его образе автор выделяет врожденную чуткость, моральную глубину, умение, вне зависимости от жестких испытаний, сберечь чистоту помыслов. В этом плане показателен эпизод, где Разметнов старается отрешиться от участия в раскулачивании. Эти сомнения Разметнова первоначально обозначались советской критикой 30-40-х годов как проявление несознательности, наивности, дефицита рассудочных оценок. На сегодняшний день волнения и действия Разметнова представляются проявлением драмы, развернувшейся в деревне в «год великого перелома».

Одновременно в романе имеет место не только реальная оценка коммунистов – создателей колхоза, но и воспроизведены конкретные формы коллективизации, к примеру, в воспоминаниях Нагульнова о способах, которыми он убеждал середняков войти в колхоз, – принуждение и наган. Жизнь диктует другие методы, другой стиль работы, что и стараются доказать Нагульнову Давыдов и Разметнов.

При кажущейся близости общечеловеческих представлений трех главных героев о нравственности внимательный взгляд обнаружит, что оценка автором воззрений героев на гуманизм далеко не однозначна: Нагульнову чужды страдания миллионов, в своем отечестве главный принцип для него – «сажать» всех, кто противодействует его рывку. Лишь с течением времени полученные в борьбе уроки человечности начинают влиять на героя. Давыдов – плоть от плоти пролетариата, «земельная, коллективистская» психология вначале не стала частью его мировоззрения, он

внимает указаниям «сверху», но, оказавшись в центре событий в деревне, усвоил многое в школе гуманизма, обогащенного искренним сочувствием к жизни труженика вообще.

В северокавказской литературе фигура свободного человека, уверенно ступающего по жизни, по аналогии с общероссийской литературой, также выдвинулась на передний план. При этом акцентируется героика труда, провозглашается как идеал праздничность будней, сопровождающаяся эмоциональной солидарностью авторов произведений (в Карачаево-Черкесии – Х. Аппаев, А. Уртенев, Х. Абуков, М. Дышеков, А.-Х. Джанибеков; в Кабардино-Балкарии – С. Кожаев и др.).

М. Шолохов неизменно заставляет задумываться над пробуждением новых чувств того или иного члена общества. Показательны в этом плане герои «Поднятой целины» Майданников, Дубцов, Аржанов, Рыкалин. Однако популярный, обязательный для большинства произведений 20-30-х гг. мотив моментального коренного перевоспитания, резкого «прозрения» в пользу новой власти имел место во многих произведениях и русской, и национальных литератур. Причем в эмоциональных границах подобного мотива наиболее ярко выразилась характерная и для северокавказских прозаиков рассматриваемого периода слабость – одномоментный и преувеличенно аффективный подход к сложной человеческой натуре (к примеру, Б. Гуртуев «Бекир», Т. Керашев «Арк», Ю. Тлюстен «Аминэт», С. Кожаев «Новь», Х. Гашоков «Трактор и люди», Ф. Абдулжалилов «Бурный поток» и др.). Объективный же взгляд на героев Шолохова свидетельствует о том, что они проходят через сложнейшие и драматические испытания. Автор не стремится убедить читателя в том, что Майданников все-таки сам пошел в колхоз, а затем и в партию. Наоборот, создается впечатление, что его заставили обстоятельства. Свидетельство тому – внутренняя борьба, подлинная драма. Это и есть один из показателей второго плана романа. Такая психология, внутренняя борьба – естественное состояние человека переломной эпохи. Она и составляет второй конфликтный план романа.

Несомненно, жесткая идеологическая схема изначально обрекала роман на «усеченную» правду о времени. Традиционно в советском романе сталинской эпохи совершается кардинальная трансформация изображаемой действительности, в которой счастливо разрешаются социальные и психологические конфликты. Однако благодаря художественному дару и гражданской совести М. Шолохова истина все-таки проникла в роман, где художественно состоятельно представлены основные драматические обстоятельства коллективизации.

Вторая книга романа завершается трагически: в схватке с классовым врагом погибли два солдата революции – Давыдов и Нагульнов, у которых читатель на протяжении многих десятилетий должен был брать уроки самоотверженности и учиться на их горьких ошибках. В отличие от большинства произведений о коллективизации 30-х годов, последние скорбные строки романа – эхо народной трагедии: читатель чувствует ее, глядя в «суровые, безрадостные глаза» Разметнова, стоящего над могилой жены. В финальных словах книги («шла последняя в этом году гроза») нет ощущения торжества

воплощенных надежд и чайный хлеборобов. Природное явление «гроза» становится символом – знаменем новых конфликтов.

Практически авторы всех произведений, воссоздавшие трагические обстоятельства в стране, в том числе и в северокавказском ауле, восприняли опыт М. Шолохова. К примеру, такое творческое воздействие просматривается в романе адыгейского писателя Т.М. Керашева «Дорога к счастью»¹. В частности, отображение идеологически обязательного мотива трудного «нравственного взросления» главного героя, характерное для шолоховского романа, критика сочла тем новым, что можно считать в некоторой степени достижением младописьменной прозы. Напротив, по ходу развития повествования балкарский писатель Б. Гуртуев в повести «Бекир» пошел вполне предсказуемым для бесконфликтной литературы путем. В один момент вдруг «одумавшийся» бездельник Бекир принимает участие в работе и вскоре становится активным колхозником.

Однако психологическая коллизия в рассказе Т. Керашева «Арк» (1925), излагающая истоки формирования национального характера, который складывался не одно столетие, убедительна, ибо активное переустройство идеологии героя, преобразование его душевного состояния не навязываются автором читателю.

Безусловно, не смог избежать декларативности другой адыгский писатель – Ю. Тлюстен. В сюжетной основе его первого рассказа «Аминэт» (1936) г. – также события в деревне; образ положительного героя претерпевает изменения и получает соответствующее нравственное наполнение в зависимости от социально-исторической обстановки. Но, подобно начинающим писателям, Ю. Тлюстен изображает представителей неимущего класса сугубо положительными людьми, храбрыми, душевными, способными к самопожертвованию, подлинными борцами за коммунизм. Клише в системе образов порождает клише в поэтической и стилистической структуре, в данном случае – неминуемую в таких ситуациях описательную публицистичность, облегченное снятие противоречий, развязывание узлов коллизий.

Осмыслению процессов преобразования жизни аула, изменению менталитета сельчан посвящены многие произведения северокавказских писателей: «Тяжелая операция» Д. Мамсурова, «Пробуждение гор» Х. Жирова, «Бурный поток» Ф. Абдулжалилова, «Куко», «Состязание с мечтой» Т. Керашева, «Слияние рек» и «Белая кувшинка» Д. Костанова, «Путь открыт» Ю. Тлюстена и «Весна Софият» А. Шогенцукова.

Проблемы людей труда, молодого поколения, трансформация сознания стоят в центре внимания многих литератур народов Северного Кавказа. Авторы нередко обращаются к трудовому прошлому своих народов, что легко объяснить желанием пройти по следам предков-тружеников, найти те нити, которые связывают день ушедший, сегодняшней и грядущий, хотят оценить события и факты истории. Так,

¹ При этом следует отметить, что задолго до романа «Поднятая целина» некоторые материалы романа Т. Керашева как очерки появились в национальной периодической печати: Коммунист Биолет // Адыгэ псэукI (Адыгейская жизнь). 1926. 25 марта.

однотипна в тематическом плане с рассказом Ю. Глюстена «Путь открыт» повесть кабардинского писателя С. Кожаева «Новь» (1934), в центре которой – молодежно-комсомольские бригады, соревнование между ними и составляет основу конфликта произведения. И вновь столкновение по шолоховскому принципу – группа борцов за колхозы противопоставлена его врагам. Но М. Шолохов раскрывает социально обозначившуюся борьбу в деревне, глубоко проникая в общественные и психологические процессы. К сожалению, национальные авторы зачастую лишь обозначают конфликты, пытаются их разрешить в общем столкновении социальных сил, в котором непременно победителями выходят представители нового. В младописьменных литературах подобные произведения стали популярными благодаря тому, что в них через изображение нравов, психологии, менталитета народа читатель узнавал многое о его прошлом. Тем не менее в национальной прозе фактически отсутствовал объективный анализ сложившегося в деревне конфликта, вместо него – прямое публицистическое указание, не требующее необходимых мотиваций.

В то же время источником художественного познания становится личность, неразрывно связанная с историей общества. К примеру, перевоспитываемый герой С. Кожаева внимательно прислушивается к мнению товарищей о своей работе, о собственных просчетах, стремится понять то новое, что его окружает, с большим интересом стремится к неизвестному, желая обогатить знания. Таков и герой романа черкесского писателя Х. Абукова «На берегах Зеленчука» (1930) Хасан, батрак, оказавшийся в конфликте с сыном кулака, – персонаж, развивающийся в контексте окружающей его действительности. Новые условия жизни выводят на первый план героя-бедняка, который еще недавно не был ничем примечателен. В центре новых сложившихся и развивающихся обстоятельств оказываются человек и народ.

Классовое противостояние порождает сложную психологическую ситуацию. Хасан Х. Абукова, как и Исхак Т. Керашева, как и Бекир Б. Гуртуева, мучительно ищет причины социального неравенства и со временем неизбежно находит их. И в конце повествования перед читателем – уже зрелый, уверенный в суждениях, убежденный в правильности избранного пути коммунист. Однако путь психологического преобразования личности остается за рамками повествования. Здесь вновь наблюдается явление необоснованного социального «прозрения», характерное для русской и национальных литератур 30-х гг.

Таким образом, налицо влияние шолоховского опыта на «деревенскую» прозу в целом и роман о деревне эпохи соцреализма в частности. Шолоховский «деревенский эпос» вдохновлял отечественную прозу на создание в крупных жанрах аналогичных произведений. К сожалению, зачастую они страдали описательностью, сюжетным схематизмом, односторонностью трактовки героев и обстоятельств и т.д.

Литература:

1. Абитова С.К. К высотам реализма: проблема развития адыгской прозы. - Черкесск: Карачаево-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1968.- 103 с.

2. Бешукова Ф.Б. Типологические связи романов М. Шолохова «Поднятая целина» и Т. Керашева «Дорога к счастью»: дис. ... канд. филол. наук:10.01.02 / Ф.Б. Бешукова.- Майкоп, 1996.

3. Панеш У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур / У.М. Панеш. - Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1990. -285 с.

4. Шаззо К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах / К.Г. Шаззо.- Тбилиси: Мецниереба, 1978.- 90 с.

5. Шибинская Е.П. Традиции Т. Керашева и современный адыгейский роман / Е.П. Шибинская // История адыгейской литературы. В 3 т. Т. 2. / АРИГИ.- Майкоп, 2002.